

Евгений СИДОРОВ

Родился в 1938 году в Свердловске (ныне Екатеринбург). Критик, эссеист, публицист. Общественный и государственный деятель. Окончил юридический факультет МГУ, аспирантуру при Академии общественных наук. Автор многочисленных статей и книг об отечественной литературе, кино и театре. Среди его книг - «Время, писатель, стиль» (2 издания), «Мысли в дороге», «Страницы и судьбы», «Теченье стихотворных дней...», «Ориентиры культурной политики», «Необходимость поэзии», «Гражданин, послушайте меня!» (о творчестве Евгения Евтушенко, 3 издания), «Записки из-под полы», 2012) и другие. В конце шестидесятых работал в журнале «Юность» заведующим отделом критики и эстетического воспитания. Член союзов журналистов, кинематографистов РФ и Российского ПЕН-центра. Профессор Литературного института имени А. М. Горького, доктор культурологии. Заслуженный деятель искусств РФ. Лауреат нескольких отечественных и зарубежных литературных премий. Председатель жюри литературной премии «Буккер» и российско-итальянской премии «Москва-Пенне». Первый секретарь Союза писателей. Москвы. Живёт в Москве.

ПИСАТЕЛЬ ЧЕСТИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Что бы ни говорили и ни писали, а Борис Львович Васильев останется в истории нашей литературы, прежде всего, как автор повести «А зори здесь тихие.».

Тут многое совпало и очнулось. Пять девушек осветили своей гибелью самую суть бесчеловечности войны и ту «скрытую теплоту патриотизма», о которой говорил Л.Н. Толстой. Так о войне (где почти не воюют) у нас еще не писали. Чистота и свежесть повести

(и это на фоне развитой традиции советской военной прозы) сразу завоевали души читателей.

Уже немолодой, красиво седеющий, элегантный, Борис Васильев принес повесть в журнал «Юность» в начале 1969 года. Его знали в узких кругах как сценариста и драматурга, но в литературе имя было совершенно новое.

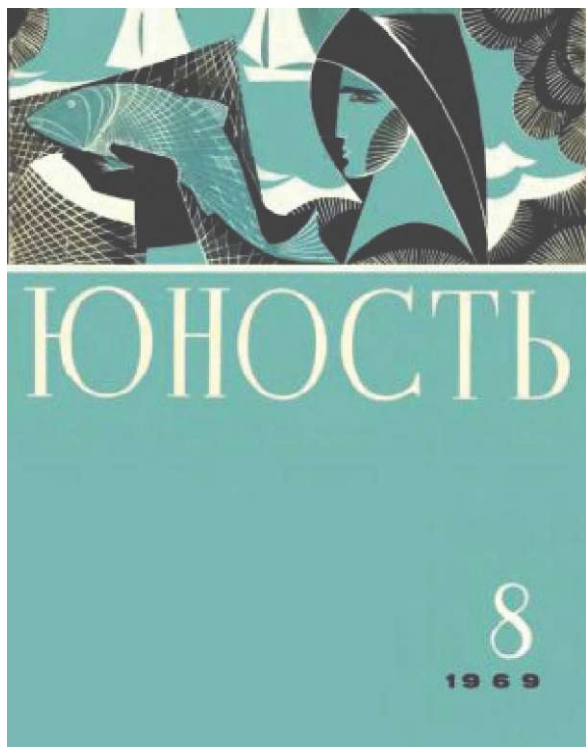
Надо сказать, что наш журнал в то время переживал нелегкие времена. Он подвергался резким атакам первого секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Павлова, а начальник Главного политического управления Советской Армии генерал Епишев и вовсе запретил выписывать его воинским библиотекам (молодые солдаты и офицеры читали журнал из-под полы, о чем свидетельствовали приходящие к нам письма). «Юность» то и дело прорабатывали на писательских пленумах и собраниях за безыдейность, за Евтушенко и «Затоваренную бочкотару» Аксёнова, за плохое влияние на юные умы отечества. Тираж при этом, естественно, рос и достигал трёх миллионов.

Помню, как публично защищал нас Василь Быков, сам окруженный сворой защитников «правды» о войне. Защитники, в отличие от Быкова и Васильева, в реальных боях с фашистами замечены не были, но зато всё знали о «правде факта и правде жизни». Похожие наветы преследовали тогда Юрия Бондарева и Григория Бакланова, признанных основоположников так называемой «лейтенантской прозы».

Появление Васильева на пороге журнала было для «Юности» огромной удачей. Так судьба стучится в дверь! Б.Н. Полевой расправил плечи и рассказал о рукописи своему негласному покровителю и главному идеологу партии мрачному и подозрительному М. А. Суслову. От супостатов можно было теперь отбиться чудными васильевскими девушками. Они защищали Родину так естественно и гибли так небеллетристически, что никакого сомнения в генетическом, несолдатском патриотизме нашего народа во время Великой Отечественной войны ни у кого возникнуть не могло. Так и случилось.

Нужно было только, по мнению главного редактора, оптимизировать финал в духе если не воинского салюта, то по крайней мере отчетливо, курсивом напомнить, что жертвы были не напрас-

ны. Смертию смерть поправ - здесь не годилось. Требовалось су-
губо реальное продолжение жизни. Васильев не возражал и в за-
ключительные страницы с постаревшим Васковым, который спу-
стя почти четверть века после войны посещает место гибели Риты
Осяниной, были вписаны соответствующие слова, придававшие
предыдущему несомненный исторический смысл. Сделано это бы-
ло автором с помощью Б.Н. Полевого и М.Л. Озеровой, заведо-
вавшей отделом прозы. «Зори.» оказались не только тихими,
траурными, но и победно окрашенными.

*Журнал «Юность» с опубликованной
повестью Б.Васильева «А зори здесь тихие...»*

Думал ли Васильев об оглушительном успехе, свалившемся на него? Вряд ли, но цену себе хорошо знал. Он был, конечно, человек благородный и некоей затаённой сентиментальности. Но кто

сказал, что это качество несёт в себе отрицательную характеристику? Чувствительность близка к человечности, если она искренна. Критикам произведений Васильева порой не нравился стилистический нажим, стремление автора напрямик прорваться к сердцу читателя, не всегда заботясь о чопорном общепринятом литературном вкусе. Ну и что из того? Васильев - классический пример большого писателя для большого (массового) читателя. (Впрочем, я не имею в виду его сочинения на исторические темы).

Хорошо владея сюжетом, Васильев испытывал своих героев (воюющих и мирных, горожан и сельских жителей, стариков и подростков, служивую интеллигенцию и офицерство) на нравственную и гражданскую состоятельность; конфликты в его прозе всегда предельны, от них не спастись, увертываясь, не произнося последнего слова, не совершив решающего поступка.

Его прямая, потомственно офицерская спина не гнулась ни перед властью, ни перед литературной конъюнктурой. Он и в творчестве был прям, заняв свою нишу между военной и деревенской прозой. В подкладке там всегда мерцал романтизм, идеальные представления о добре и зле как в человеческой натуре, так и в истории, в государстве. В принципе чураясь политики, он решительно поддержал демократические перемены, но также был глубоко разочарован последующим развитием нашей общественной и государственной жизни.

В семьдесят четвертом в Политехническом музее состоялся большой вечер, посвященный пятидесятилетию Васильева. Это был акт читательской любви и профессионального признания. Для меня было честью говорить о писателе и представлять выступления знаменитых поэтов и прозаиков, деятелей кино, артистов театра.

В свои пятьдесят, после фильма по «Зорям...» Станислава Ростockого (через три десятилетия появится китайский телесериал по этой повести), после спектакля Юрия Любимова, оперы Кирилла Молчанова, Борис Львович Васильев окончательно занял прочное место в нашей литературе. Он воплотил в себе и во многих своих книгах устойчивое и драматическое представление о чести и достоинстве личности в эпоху, отнюдь не способствующую подобным взглядам на смысл человеческого существования.